

Мифологема дома в выбранных произведениях Людмилы Петрушевской

Rak, Mateja

Undergraduate thesis / Završni rad

2024

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:386387>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-10-05**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Završni rad

Мифологема дома в выбранных произведениях Людмилы Петрушевской

Student: Mateja Rak

Mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas

Akadska godina: 2023./2024.

Zagreb, rujan 2024.

Содержание

Введение.....	1
1. Лингвистическое и культурное значение слова дом	2
2. Дом как место действия и его физическое изображение	4
3. Дом как сюжетобразующий элемент	5
4. Дом как источник защиты.....	7
5. Семейная иерархия	8
6. Дом как живое существо	11
7. Дом как женское пространство и тело.....	12
Заключение	16
Список источников	17
Sažetak	19
Ključne riječi	19
Kratki životopis	20

Введение

Людмила Стефановна Петрушевская является одной из наиболее значимых современных русских писательниц и драматургов. Её литературная деятельность началась в 1970-е годы, в период Советского Союза, что оказало значительное влияние на её раннее творчество. Петрушевская приобрела известность своими пьесами и сборниками рассказов, большинство из которых во время социалистического реализма и тогдашних советских стандартов допущенного и запрещенного считались слишком пессимистичными или непригодными для публикации (McLaughlin 1989: 26).

Произведения Петрушевской характеризуются как «бытовая литература» (Katz 1998: 188), поскольку в них акцентируется тема семейной жизни и изображаются повседневные бытовые ситуации, положение (советской) женщины в обществе и семье во время распада советского общества, сопровождающийся болезнями, голодом и нищетой. Вследствие этого персонажами Петрушевской часто бывают одинокие люди и неполные семьи, «к которым можно отнести и семьи, где есть отец, мать и дети, но связь между ними формальная, поверхностная – „сожительство“. Такая „ячейка общества“ и становится объектом изображения в пьесе писательницы» (Родикова 2019: 502). Особое внимание следует уделить тому, что Петрушевская в большинстве своих произведений использует дом как основное место действия, а концепт дома выступает центральным и доминирующим мотивом.

В данной работе выбрана мифологема дома как центральная единица исследования в контексте выбранных произведений Л. Петрушевской. Понятие мифологемы определяется как «аналогичная повторяющаяся тема в мифах разных народов; составной элемент мифа» (Кузнецов 2000: 546).

Целью работы является исследование хотя бы некоторых частей значения концепта «дом», включая вопрос, как эти значения (не)традиционно вписываются в произведения Петрушевской. Для анализа выбраны 4 рассказа: «Новые Робинзоны», «Гигиена», «В маленьком доме», «Тайна дома», и повесть «Время ночь». Настоящая работа структурирована по следующим темам и главам: значения слова «дом», дом как место действия и сюжетобразующий элемент, дом как источник защиты, семейная иерархия, дом как живое существо, а также дом как пространство и тело женщины.

1. Лингвистическое и культурное значение слова дом

Чтобы полностью охватить мифологему дома в прозе Петрушевской, важно понять изначальное, традиционное лингвистическое и культурное значение дома, так как «в картине мира образ дома отличается своей неоднозначностью» (Кульбашная 2011: 221). По этимологическому словарю Крылова, слово «дом» определяется как всеславянское с индоевропейскими корнями. Сравнение русского слова дом с его вариантами в древнейших языках (в греческом *domos*, в древнеиндийском *damas*, в латинском *domus*) позволяет сделать вывод, что тема и концепция дома универсальны и известны всем народам и культурам, поскольку форма и концепция дома восходят к античности.

Далее, по семантическому анализу, слово «дом» означает «любое строение для жилья или учреждения», а также «семью или людей, живущих вместе». Таким образом, дом может представлять собой физическое здание, в котором живёт семья или семейное сообщество, но он также может означать саму семью. Цинхань Чжан пишет, что «общеиндоевропейская основа *domus* – в значении „дом“, „строение“ означает элементарную социальную единицу индоевропейских племён, которая предполагает объединение и совместное проживание людей, связанных определёнными родственными узами» (Чжан 2018: 140). Иными словами, Чжан утверждает, что первоначальное значение слова «дом» относилось к объединению людей и приходит к выводу, что «концепт „дом“ предшествовал концепту «семья» и в современной интерпретации означает «место проживания семьи» (там же: 141).

Семья (или дом, если говорить о втором значении этого слова) представляет собой фундаментальной ячейкой общества, малым сообществом, в котором применяются внутренние правила и иерархия, или, другими словами, семью или дом можно считать человеческим, частным, внутренним, меньшим, тем не менее влиятельным миром для каждого человека. Людмила Ивановна Воронцова также пишет об этом: «Смысл образа дома от древности до наших дней заключается в способности создать мифосимволически заданную реальность, поскольку мифологема дома в большей степени отражает механизмы отношения человека к действительности. (...) Это вариант универсума, упорядоченного мира, микрокосма, который проецируется как на мир, так и на человека» (Воронцова 2014: 1).

Поэтому не удивляет, что тема дома и семьи привлекала особое внимание писателей, особенно в русской литературе XIX века, в которой становится одной из ведущих тем. В результате и отражением этого, семейная жизнь в русской культуре была идеализирована особым образом. Как утверждает Светлана Т. Махлина: «В России статус дома был и остаётся чрезвычайно высоким» (Махлина 2015: 65). Об этих традиционных представлениях образа дома в русской культуре говорит и В.С. Непомнящий: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, „медленные труды“. Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история; „родное пепелище“» (Воронцова 2014: 1).

Таким образом, дом составляет огромную часть частной жизни человека и ассоциируется с концепцией убежища, являясь метафорой безопасности, что вызывает ожидание положительного и успокаивающего влияния на человека. Однако дом считается источником любви, стабильности и достатка, которые прочно привязаны к женской фигуре, точнее, жене и матери, той, которая заботится о домашнем хозяйстве и всей семье. Будучи наименьшей ячейкой общества, наличие и сохранение дома способствует сохранению нации, государства и человечества, тогда как распад множества семей со временем может негативно сказаться на обществе. Это ведёт нас к заключению, что дом — универсальный концепт, важный не только для индивидуума, но и для коллектива: «Дом находится на границе двух миров – частной, универсальной жизни и жизни общества» (Лелеко 2002: 65).

Те же самые литературные идеи, подчеркивающие важность дома и семьи, уже появляются в произведениях классиков великих русских писателей, таких как Чехов и Толстой. Известна поговорка Толстого о семье и доме: «Счастлив тот, кто счастлив дома». В 1970-х и 1980-х годах, когда Петрушевская начала серьёзно заниматься писательской деятельностью, происходит переосмысление мифологемы дома, и теряется сакральный, возвышенный смысл образа дома. Появляется всё больше реальных, ранее скрытых и не обсуждаемых семейных разногласий, драм и скандалов, разорванных семейных отношений, кризисов неполных семей, матерей-одиночек и матерей, которые делают аборт из-за нехватки финансовых средств, конфликтов между поколениями, пьяных отцов. Тёплый семейный дом становится недостижимым идеалом, мечтой, иллюзией.

2. Дом как место действия и его физическое изображение

Мотив дома как мифологемы и главного места событий преобладает во многих, если не во всех, произведениях Л. Петрушевской. Дом, описанный Петрушевской, является полной противоположностью его ранее идеализированной версии. В ряде пьес и рассказов центральной темой становится тема (неполной) семьи, разорванных семейных отношений, любви, а также «поиск дома, изгнание из него и возвращение» (Воронцова 2014: 1). Она пишет о доме «(или его отсутствии) (...), о создании (или об его утрате, крахе, разрушении)» (Воронцова 2014: 1). Для анализа мифологемы дома в данной работе я сосредоточу свое внимание на рассказы «Гигиена», «В маленьком доме», «Новые Робинзоны», «Тайна дома» и повесть «Время ночь».

Будучи представительницей бытовой и женской прозы, Петрушевская часто помещает действие своих произведений в рамки и границы дома (и огорода), поэтому дом считается основным местом действия в её прозе. Движений за пределами дома показано, как правило, мало. Кроме того, в её произведениях подчёркивается важность материнских и женских фигур в семье. Чаще всего главными героями являются женские персонажи разного возраста и происхождения, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях и окружённые войной, голодом, болезнями и бедностью.

Рассматривая её произведения, в том числе физическое (материальное) изображение дома, можно заметить, «что дома у Петрушевской — собственно пространственного образа в прямом смысле слова — нет» (Воронцова 2014: 2). В отличие от тёплых, просторных, декорированных, полностью меблированных домов, в произведениях Петрушевской мы находим дома в виде небольших квартир, некоторые из которых сдаются, комнаты в коммунальных домах, комнаты с кухонными уголками. Также часто делается упор на их недостаточное оснащение и на то, что это дома в распадае, предназначенные для сноса. В рассказе «Тайна дома» рассказчица пишет: «мы поселились в доме, предназначенном для сноса» (Петрушевская 1996: 203), а похожее описание своего нового дома даёт и рассказчица в «Новых Робинзонах»: «Дом был куплен как бы на развал, мы жили и пользовались им, ничего не поправляя» (там же: 73).

Эти дома, находящиеся в упадке с небольшим количеством мебели и ресурсов, отражают нищету и бедность персонажей и общества (пост)советского периода. Несмотря на это, они быстро превращаются в дома больших семей или семей, которые

постепенно расширяются. Воронцова отмечает, «что дом в художественном мире писательницы не вполне материализован: она заменяет наполненность дома вещами наполненностью людьми» (Воронцова 2014: 3). Примеры наполненности дома людьми наиболее очевидны в повести «Время ночь» и рассказе «Новые Робинзоны». В повести «Время ночь» читатели становятся свидетелями нехватки места для всех членов семьи, из-за чего главная героиня и повествовательница плачет: «Значит, дочь теперь сюда переедет, и мне тут места не останется и никакой надежды. Дочь моя займёт большую комнату, Тимошу отправит с кроваткой ко мне, так. И на кухне будет праздновать одиночество, как всегда я ночами. Мне нет тут места» (Петрушевская 1996: 382). С другой стороны, хотя и в «Новых Робинзонах» показана наполненность дома и неожиданные приходы новых членов (Лена, малый ребёнок, потом старуха Анисья) в трудные времена, каждый член имеет, знает и выполняет свою роль, благодаря чему их совместная жизнь становится гармоничной, даже в небольшой избе в лесу. В отличие от «Новых Робинзонов», члены семьи Анны Андриановны не живут в соответствии со своими ролями, можно даже сказать, что они не осознают своих ролей из-за чрезмерного стремления Анны Андриановны контролировать всю семью и их жизни.

3. Дом как сюжетобразующий элемент

Кроме того, что дом служит местом действия, мифологема дома в прозе Петрушевской выполняет не только «образную функцию, но и служит сюжетобразующим элементом» (Воронцова 2014: 3). Дом демонстрирует свою способность разделять и объединять семью, приобретая таким образом сюжетобразующую характеристику. Разделение и распад дома являются постоянными мотивами во многих произведениях Петрушевской. Персонажи Петрушевской живут в пространствах, которые неуклонно уменьшаются, разделяя дом на несколько частей или приводя к перемещению, как это происходит в рассказах «Гигиена» и «Новые Робинзоны».

В рассказе «Гигиена» из-за вирусного заболевания, поразившего весь город, члены семьи Р. вынуждены изолироваться друг от друга после того, как дочь поцеловала заражённую кошку в рот (основными переносчиками болезни были мыши). Сначала дочь насильно помещают на карантин и изолируют в её собственной детской комнате, затем мать запирают в ванной. Изоляция и разделение общества и семьи происходят

постепенно: сначала на уровне города, затем внутри дома. В начале город, в котором происходит действие, был изолирован от других городов: «они уедут из страны, карантин отключат, — сказал дед. — Ни в город, ни из города» (Петрушевская 1996: 103), затем домохозяйства были изолированы, и, наконец, квартира семьи Р. разделена на более мелкие части, несколько комнат и таким способом дом сокращен до одной комнаты в квартире.

Похожим образом изоляция и сокращение жизненного пространства становятся ключевыми сюжетообразующими элементами в рассказе «Новые Робинзоны»: семья переезжает из городской квартиры на дачу в деревне, а затем в удалённую избу в лесу. Аналогично начинается и рассказ «Тайна дома»: «Я никогда не забуду, как я приехала с детьми в забытый властями городок с целью как-то просуществовать летний месяц» (там же: 203). Одинокая главная героиня Вера в рассказе «В маленьком доме» также подвергается изоляции в своей комнате до такой степени, что сама становится частью этого дома.

Представленная нестабильность (постоянное сокращение жизненного пространства или переезды) и незащищённость дома, заставляющая семью переселяться, в равной мере отражают нестабильность и незащищенность семьи. Таким образом, Петрушевская разрушает не только русский идеальный стереотип дома, но и универсальный, который был более подробно описан в предыдущей главе. Однако дом одновременно выступает как зеркало, отражающее то, что происходит в семье. Разделение семьи в «Гигиене» и «Новых Робинзонах» полностью соответствует разделению дома, и наоборот. В «Новых Робинзонах» мы наблюдаем первое разделение семьи, когда отец уходит в другую избу в знак протеста против расширения семьи, а в «Гигиене» разделение происходит через заключение маленькой девочки в детскую комнату, а затем матери в ванную, пока все члены семьи не изолируются друг от друга в панике.

Тем не менее, Петрушевская пишет не только о разделении дома, но и о его способности объединять. В «Новых Робинзонах» отец уходит из дома, но позже семья снова соединяется в избе в лесу, тогда как в повести «Время ночь» предыдущий уход персонажей из дома вызывает ожидание и предвкушение возвращения сына Андрея или матери Симы, но возврат никогда не происходит. Следовательно, можно заключить, что

дом в рассказах Петрушевской — «точка отсчёта, так и точка возврата» (Воронцова 2014: 3), влияющий на дальнейший ход событий.

4. Дом как источник защиты

Самая древняя и важная функция дома заключается в защите семьи от внешних, природных и человеческих воздействий, «но не менее важно и возникающее благодаря дому осознание структурированного пространства, разграничения своего и чужого, возможность „возделывать“, обустраивать свою часть мира» (Завгородняя 2018: 186).

Петрушевская противопоставляет дом окружающему миру как пространство закрытое — открытое, безвредное — опасное, внутреннее — внешнее, подчеркивая их контраст. Почти в каждом из упомянутых произведений писательница вводит элемент опасности во внешнем мире, от которого семья прячется дома. В «Гигиене» это эпидемия вирусного заболевания, в «Новых Робинзонах» опасность не совсем ясна, но можно предположить, что это своего рода гражданская война. В «Тайне дома» главные герои являются беглецами, а в «В маленьком доме» Анна видит опасность в каждом чужом человеке, приходящем извне. Как отмечает Quist: «То, что не относится к семье Анны, обычно угрожающее, и элементы внешнего мира — вредны» (Quist 2010: 22). Только один рассказ кажется исключением: в рассказе «В маленьком доме» отсутствует внешняя опасность, а её место занимает печальная одинокая реальность.

В рассказе «Гигиена» домохозяйство не смогло выжить из-за его разделения, разногласий и паники, хотя их общие условия были намного лучше, чем в рассказе «Новые Робинзоны», где, спасаясь от опасности, все члены домохозяйства были вынуждены разделиться на роли и сотрудничать, чтобы выжить и не умереть от голода, холода или опасных незнакомцев. В «Тайне дома» главная героиня присматривает за детьми, не в силах заснуть из-за неизвестного источника шума. В конце концов оказывается, что источник шума — это шершни, которым угрожает присутствие беженцев. Это приводит к парадоксу: семья беженцев, скрываясь от внешней опасности, приносит опасность внутри своего собственного дома другому семейству — шершням, что также представляет угрозу для самой семьи: «все сильные губят мешающее им слабое, как я погубила несчастный мушиный рой, помешавший мне спать» (Петрушевская 1996: 208).

В каждом рассказе существуют два типа опасности: внешняя (физическая) и внутренняя (нефизическая). Следовательно, дом как физическое здание защищает только от внешней опасности, а семья должна справляться с внутренней. Примеры физических опасностей из выбранных произведений включают войну, чужих людей, плохие погодные условия, а внутренние или нефизические опасности — голод, панику, одиночество. Петрушевская ярко подчеркивает в рассказе «Новые Робинзоны», что единство, внутренняя сила, семейная иерархия и гармония семьи являются ключевыми факторами для выживания: «Все становится сложным, когда речь идет о выживании в такие времена, каковыми были наши, о выживании старого немощного человека перед лицом сильного молодого семейства» (Петрушевская 1996: 76).

5. Семейная иерархия

Как уже упоминалось, термин «дом» обозначает не только здание, предназначенное для проживания, но и саму семью, что является значением, предшествующим современному стандартному пониманию. Как правило, Петрушевская изображает неблагополучные, несогласованные или неполные семьи, сталкивающиеся с трудными обстоятельствами, которые усугубляют семейные разногласия. В рассказе «Новые Робинзоны» мы встречаем семью из трех человек: матери, отца и старшей дочери. В рассказе «Гигиена» представлена семья из двух поколений: бабушки, бабушки, зятя Николая, дочери и жены Елены и их дочери. В рассказе «В маленьком доме» главная героиня — Вера, одинокая 25-летняя девушка, чье буквальное превращение в объект после танца под гимн может символизировать, как она полностью становится объектом государства, поскольку у неё нет семейных обязанностей, таких как роль жены и матери. В «Тайне дома» повествование ведется с точки зрения матери-одиночки с двумя детьми, а в повести «Время ночь» изображена женская семья, состоящая из главной героини Анны Андриановны, её дочери и трёх внуков.

Три произведения, «Новые Робинзоны», «Гигиена» и «Время ночь», предоставляют достаточно сложные семейные взаимоотношения и многочисленные семейные структуры для анализа семейной иерархии. В рассказе «Новые Робинзоны» читателю представлена семья, которая существенно отличается от остальных своим совместным стремлением преодолеть трудности и обеспечить равные шансы на выживание для всех

членов, несмотря на их разногласия. Оторванность от цивилизации вынуждает их вернуться к традиционным семейным ролям, которые оказываются ключевыми для их выживания. Отец в первую очередь выполняет тяжелую и опасную работу, активно защищая семью от внешних угроз: «Днем, когда все мы, замученные, уснули, отец отправился на дежурство. Ночью он привез тачку вырытых еще молодых овощей, картофеля, моркови и свеклы, репки и маленьких луковок, мы раскладывали это в погребе (...) С ружьем отец охотиться боялся, он боялся даже дрова рубить из-за опасений, что нас засекут по звуку. В глухие метели отец рубил дрова» (Петрушевская 1996: 81).

В отличие от других произведений Петрушевской, роль отца как защитника, лидера и инициатора, распознающего опасность, выделена в этом рассказе. Мать и дочь вместе обеспечивают семью едой и занимаются её приготовлением из скромных продуктов, растят приходящую к ним маленькую Лену и брошенного младенца, что вызывает наибольшие ссоры и разногласия в семье. Отец осознает, что появление новых членов означает дальнейшее разделение скромных запасов. Когда семья переезжает в уединенную избу в лесу, к ним присоединяется старуха, понимая, что у нее мало шансов выжить в одиночку: «У нас была бабушка, кладезь народной мудрости и знаний» (там же: 82). Таким образом, они составляют традиционную семью с разделением ролей и обязанностей, совместно внося вклад в это небольшое сообщество.

Полная противоположность семье из рассказа «Новые Робинзоны» раскрывается в семействе Р. в рассказе «Гигиена», где показан разрыв поколений и конфликт между двумя поколениями, особенно между двумя мужчинами. Напряженность возникает между свекровью и зятем Николаем, который нерационально распоряжается продуктами и часто берет больше, чем необходимо, не думая о других членах и долгосрочном благополучии семьи. Роль Елены как матери и жены практически отсутствует, она подчиняется либо своему отцу, либо мужу и не имеет значительного влияния в семье: «Бабушка с дедушкой стояли в прихожей и ждали, потом пришел отец девочки Николай и тоже стал прислушиваться, наконец вышла из ванной Елена, его жена, и громко стала спрашивать, что такое, но ее остановили» (там же: 55). Последствия семейного разлада в итоге несет дочь Елены и Николая, которая находит любовь и утешение в своем новом домашнем питомце, кошке, и остается одна.

Настоящий пример женской семьи и доминирующего матриархата представлен в повести «Время ночь». Матриархат передается из поколения в поколение, от матери к дочери, с одержимостью контролем над пространством и членами семьи. Переполненная квартира не оставляет места для индивидуальности, частной жизни и личностного развития, что, по замечанию Quist, приводит к тому, что «Анна Андриановна не может отличить свою идентичность от идентичности своей дочери, так же как Сима не могла отделить свою связь с Анной» (Quist 2010: 29). Даже Анна Андриановна осознает характер своей семьи, но не в силах разорвать порочный круг и освободиться от родовой травмы: «это мать хотела быть всей семьей для меня, заменить собою все, и я видела такие женские семьи, мать, дочь и маленький ребенок, полноценная семья! Жуть и кошмар. Дочь зарабатывает, как мужик, содержит их, мать сидит дома, как жена, и укоряет дочь, если она не приходит домой вовремя, не уделяет внимания ребенку, плохо тратит деньги и т. д., но в то же время мать ревнует дочь ко всем ее подругам, не говоря уже о мужиках, в которых мать точно видит соперников, и получается в результате полная мешанина и каша, а что делать» (Петрушевская 1996: 379)?

Таким образом, мужские персонажи, зятя, мужья и сын, временно появляются и исчезают из женской семьи, роли становятся смешанными и неясными, а нездоровые модели взаимоотношений между мужчинами и женщинами повторяются.

В отсутствие мужской фигуры, отца или мужа, Петрушевская придаёт главным героиням-женщинам традиционно мужские характеристики, в то время как мужчины изображаются как слабые существа. Анна Андриановна отказывается от мужчин и от принятия мужчин в её дом, из-за чего её дом и семья на протяжении нескольких поколений лишены фигуры отца или мужа. Quist уделяет особое внимание этой теме: «Анна стяжательно защищает свой дом от посторонних людей, и кажется, что она отчаянно держится за представлением о своем собственном пространстве как всемогущем матриархате, где все посторонние оказываются врагами, которые могут увести детей Анны из сферы её влияния» (Quist 2010: 23).

В конце повести дочери удается сбежать с детьми и самостоятельно создать свой дом, что приводит к распаду женской семьи Анны и открывает новую свободу для всех её членов.

6. Дом как живое существо

Дом как живое существо и олицетворение проживающей в нем семьи является преобладающим мотивом в рассказах «Тайна дома» и «В маленьком доме». В рассказе «Тайна дома» главная героиня, безымянная мать и одновременно рассказчик, описывает заброшенный дом, в котором она временно живет с детьми: «но уже что-то навестило этот дом, какое-то запустение или забытие» (Петрушевская 1996: 203). Она воспринимает дом как памятник предыдущим семьям и олицетворяет его: «Какие-то тайны скрывал этот дом, как скрывал бы любой старый дом, — отзвуки голосов, чьи-то смерти, чье-то одиночество. Дом заканчивал свое существование, это было ясно по общему трагическому запустению» (там же: 204). Читателям открывается, что дом имеет определённый возраст — девяносто три года, и что его участь — идти под снос. Дом больше не выполняет своего назначения, с ним связаны чувства одиночества, заброшенности и пустоты.

Равнозначные идеи выражены и в рассказе «В маленьком доме». Здесь мы узнаем об одинокой девушке Вере, которая безнадежно живёт в одиночестве в скромной квартире (комнате), пока сама не становится частью своего дома: «Вера со стулом превратилась в окаменелый столб, она продержала стул на вытянутых руках всю ночь при свете лампочки, и стул, как ни пытались, не могли у неё взять, и сдвинуть с места её не смогли» (там же: 163). Ситуация становится ещё более драматичной, когда попытки спасти её приводят к кровопролитному инциденту: «мужик начал врубаться топором в пол. Но тут же стук затих, и мужик выскочил из комнаты с топором, с которого капала кровь. (...) Из пола идет кровь» (там же).

Странность ситуации усугубляется, когда соседка Веры слышит звуки из граммофона, который оказался принадлежащим дому: «Стой, не бей ногами в стену», — шептал репродуктор и стонал. (...) Стеша схватила полушубок, вскочила в валенки и выбежала на улицу. Она увидела, что мальчишки забавляются, пиная ногами дом — им слышались какие-то отзвуки при этом» (там же: 164).

О теме дома как существа пишет и Кульбашная, отмечая прямое отождествление дома и человека, «когда тело человека и интерьер дома сливаются в одной общей плоскости бытия, дом обретает тело, становится зеркалом, отображающим своего хозяина — человека. Дом — необычайно ёмкий космический символ, представляющий

собой уменьшенную модель вселенной» (Кульбашная 2011: 221). Иными словами, всё, что происходит с человеком, становится видимым в доме. Здание, называемое домом, имитирует космос и тело, и дом становится видимым отражением нашей души и сознания. Таким образом, тихий, стационарный дом, точнее, маленькая комната, в которой ничего не происходит и не меняется, отражает тихую Веру. В печали и одиночестве Вера постоянно замыкается в себе и в своём доме, в результате становясь его неотъемлемой частью.

По словам Андреевой, «дом и люди, проживающие в нём, образуют единый организм. Негативное воздействие на одну из его составляющих приводит к заболеванию и дальнейшему разрушению системы под названием „дом — семья“» (Андреева 2008: 3). Следовательно, можно проследить ранее упомянутое разделение дома и семьи в рассказах «Гигиена» и «Новые Робинзоны». Разделение дома на мелкие части, комнаты, всегда отражает разделение семьи как сообщества на её членов.

7. Дом как женское пространство и тело

Согласно народной, особенно славянской, традиции, дом, как закрытое место, «традиционно символизировал женщину и был местом женщины (в отличие от поля — мужского, открытого пространства)» (Шейнина 2003: 591). Более того, женщина воспринимается как хранительница очага, который с древнейших времен считался сакральным местом дома (Черкашина 2015: 19).

В этом смысле женщина (мать) и мужчина (отец) образуют дихотомическую пару, отражая и содержа в себе другую бинарную оппозицию — «закрыто-открыто». Эти две дихотомии продолжают существовать в коллективном подсознании, поэтому те же мотивы находят своё место в бытовой и женской литературе, включая произведения Петрушевской. В её произведениях часто заметно отсутствие мужских персонажей, их пассивное участие в сюжете или упомянутый уход из дома. Воронцова отмечает: «Если женщина привязана к дому, то мужчина в прозе Петрушевской не держится за дом, он не часть этого домашнего мира, он может быть изгнан или уйти сам» (Воронцова 2014: 3).

Исключения можно найти в рассказах «Новые Робинзоны» и «Гигиена», где мужчина занимается физической работой вне дома, завоевывает территорию, собирает ресурсы, подвергает себя физической опасности и использует оружие, чтобы защитить свою семью. В то же время, в рассказе «Новые Робинзоны» мать и дочь активно ищут все источники пищи, сажают и собирают картофель, фрукты и овощи, покупают, обменивают и продают продукты и готовят их. Женская часть семьи физически и эмоционально кормит семью и борется с невидимым врагом — голодом, против которого невозможно воздвигнуть стены, в отличие от борьбы отца с физическими угрозами. Накормить всех членов семьи — подчеркнутая общая задача у Анны в повести «Время ночь» и у бабушки в рассказе «Гигиена».

Один из лейтмотивов в рассказе «Время ночь» — «тема передачи дома по наследству именно женщине» (Черкашина 2015: 18–19). Анна унаследовала свой дом от матери Симы и таким образом приняла на себя строгий, контролирующий матриархат, устроенный Симой. Подобно тому, как Сима своим поведением прогнала мужа Анны, так и Анна пытается избавиться от зятя, отказываясь делить любовь дочери с мужчиной. Анна критикует и с трудом принимает поведение своей матери и дочери, отражающее её будущее и прошлое, и вызывающее ощущение неизбежности и неуправляемости судьбы. Как отмечает Андреева, «дом из поколения в поколение наследуется на подсознательном уровне» (Андреева 2008: 1), и поэтому наследование Анной дома и одновременно судьбы своей матери предвещается на протяжении всего произведения: «Я ввалилась в её комнату, она сидела бессильно на своём диванчике (теперь он мой)» (Петрушевская 1996: 379). С другой стороны, любовные ошибки Алены совпадают с тем, что совершила Анна в прошлом.

Из-за любовных неудач и наследственной Анной нетерпимости к мужчинам, женственность и телесность женщины подавляются и подвергаются стыду, в то время как Анна занимает место мужчины, чтобы обеспечить ресурсы для выживания. Обращая внимание только на удовлетворение физических телесных потребностей (еда, тепло), Анна пренебрегает эмоциональными потребностями своих детей и внуков. Родикова утверждает: «Писательница последовательно устраняет женщину (в женщине) и женственность в повести. Женщина в Анне Андриановне умерщвляется, её место занимает некое бесполое, асексуальное, замученное бытом неухоженное существо, духовно деградирующее» (Родикова 2019: 502). Квартира Анны воспринимается как матриархат, а все мужья или любовные интересы как помеха или угроза матриархату.

Quist замечает: «Внешняя угроза в повести „Время ночь“ — это нечто мужское. Квартира Анны характеризуется, в частности, как материнское гнездо (Петрушевская 2009: 303), (...) и имеет подчеркнуто женскую сущность — даже у Тимы, по словам Анны, „шёлковые волосы“, „кудри“ (там же: 245), и он много раз ошибочно принимается за девочку» (Quist 2010: 25).

Полагаясь на страх Анны перед мужским влиянием на её дом и незнакомцами, стремящимися проникнуть в её жилище, чтение повести «Время ночь» предлагает новую перспективу сравнения дома с женским телом, или, другими словами, вторжения в дом с вторжением в женское тело. Многие элементы дома, особенно те, которые представляют собой границу между закрытым и открытым, внутренним и внешним, выделяются женской семантикой. Примерами таких элементов дома являются крыша, стена, дверь (Андреева 2008: 3).

Андреева рассказывает больше о метафорическом символизме дверей и народных поверьях: «если дом — это женское тело, то двери — женские гениталии, прежде всего их объединяет идея входа и выхода. Во время тяжёлых родов раскрывали двери, а женщину заставляли переступить через пороги» (Андреева 2008: 3). Dalton-Brown также отмечает проникновение в дом как символ захвата женского тела мужчинами: «Как в тело Алены постоянно вторгаются ее любовники, так и в квартиру Анны вторгаются ее собственные дети, возвращаясь в утробу матери подобно вампирам» (Dalton-Brown 2000: 69; перевод наш). Иными словами, Анна не пускает в свой дом посторонних людей, равно как и не одобряет любовников дочери, поскольку каждое проникновение в тело Алены приводит к появлению нового сожителя, члена семьи. Таким образом, у Анны остаётся всё меньше жизненного пространства, дающего ей ощущение цели, идентичности и смысла. Для неё потеря дома означает потерю цели в жизни.

Проникновение в дом, или точнее, попытка проникновения, составляет одну из описанных сцен в рассказе «В маленьком доме», которую можно интерпретировать подобным образом. Читателям становится ясно, что главная героиня физически стала частью дома благодаря элементу кровотока. Элемент двери, замочной скважины и проникновения в дом особенно выделен в следующей цитате: «Милиция не смогла открыть дверь. Стоило вставить ключ в замочную скважину, как из скважины начинала литься горячая кровь» (Петрушевская 1996: 163). На основе предыдущего сравнения дверей с женскими половыми органами возникает мысль о контроле мужчины над

входом в дом, что снова возвращает нас к объяснению презрения Анны к мужчинам в повести «Время ночь».

Андреева не останавливается на анализе символизма двери, а продолжает с описанием метафорического значения окна: «окна — это „глаза“ дома; общеизвестная этимология слова „окно“ — око (глаз). Как глаза, окна связаны с представлением о свете и тьме, видимом и невидимом. Важнейшие функции окон, как и глаз, — воспринимать образы зрительного мира и свет. В окна, как и в глаз, могут проникнуть болезни и смерть, в частности через чужой взгляд» (Андреева 2008: 3).

Окна несут важную, но почти едва различимую символику в повести «Время ночь». Именно через них Анна видит свою всё более близкую судьбу и будущее, а также будущее своих потомков. Анна вспоминает день, когда её мать попала в психбольницу: «„Брось истерику“, — сказала мне дочь, а что я ей могла объяснить? Что я была в больнице, где окна закрыты решётками? Что конец нашей жизни? Что Андрей в такой же яме с решётками» (Петрушевская 1996: 379)? Таким образом, окна дают взгляд в будущее, а решётки намекают на его безнадёжность. Если интерпретировать окна как глаза, можно прийти к выводу, что тюрьма Анны заключается в психической болезни, в её теле, точнее голове.

Заключение

В произведениях Людмилы Петрушевской мифологема дома представляет собой сложный и многослойный концепт, одновременно обозначающий жильё и проживающую в нём семью. Изучение этимологии и семантики слова «дом» показывает, что этот концепт имеет глубокие корни и универсальное значение, связывающее физическое пространство с семейными и социальными структурами. В традиционном понимании дом символизирует защиту, безопасность, стабильность и семейную гармонию, а женщина, как хранительница очага, занимает центральное место.

В избранных произведениях Петрушевской дом выступает как место действия и часто представляет собой небольшие квартиры или комнаты, переполненные людьми. Более того, мифологема дома в её прозе оказывает значительное влияние на развитие сюжета, так как обладает способностью объединять или разделять семью. Во всех указанных произведениях дом оказался отражающим зеркалом семьи, поэтому их сюжеты часто разворачиваются вокруг постепенного сокращения жизненного пространства или перемещения, служащего метафорой кризисов и распада семейных отношений. Через мотив дома Петрушевская исследует важность его защитной функции и противопоставляет дом как закрытое пространство с внешними угрозами, из-за чего в произведениях Петрушевской дом часто предстаёт как убежище от внешнего мира.

В рассказах «Тайна дома» и «В маленьком доме» дом представляет собой живое существо и олицетворение заброшенности и одиночества. В произведениях «Время ночь» и «В маленьком доме» дом становится метафорой женского тела, отражая традиционное понимание дома как сакрального женского пространства. Таким способом, окна и двери, символизирующие границы между внутренним и внешним, между закрытым и открытым, могут быть интерпретированы как метафоры женских половых органов.

Список источников

Андреева, Палина Александровна (2008) *Сакральная женская сущность в славянской культуре дома в Аналитика культурологии*, номер 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-zhenskaya-suschnost-v-slavyanskoy-kulture-doma> (дата обращения: 15. 8. 2024).

Воронцова, Людмила Ивановна (2014) *Мифологема «Дом» в прозе Л. Петрушевской*, в: Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, номер 5 (с. 163–167).

Завгородняя, Галина Юрьевна (2018) *Дом – Космос – Тело – Мифопоэтика славянской прозы 1990-х гг. (О. Токарчук и Г. Петрович)*, в: Вестник славянских культур, но. 49 (с. 185–195).

Кузнецов, С.А. (2000) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.

Кульбашная, Елена Валерьевна (2011) *Дом для женичины и дом без женичины мотив разрушения семейного очага (по поэме С.Н. Сергеева-Ценского «Валя»)*, в: Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 102 (10) (с. 221–224).

Лелеко, В. Д. (2002) *Пространство повседневности в европейской культуре*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Махлина, С. Т. (2015) *Дом в пространстве русской народной художественной культуры*. Санкт-Петербург: Вестник СПбГУКИ.

Петрушевская, Людмила (1996) *Собрание сочинений в пяти томах. Том 1*. Москва: АСТ.

Петрушевская, Людмила (1996) *Собрание сочинений в пяти томах. Том 2*. Москва: АСТ.

Родикова, Ольга Владимировна (2019) *Темы семьи и любви в творчестве Л. С. Петрушевской (на примере пьесы «Любовь» и повести «Время ночь»)*, в: Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 29 (3) (с. 499–504).

Черкашина, Светлана Павловна (2015) *Художественная репрезентация архетипов женского начала в творчестве Л.С. Петрушевской*. Волгоград.

Чжан, Цинхань (2018) *О соотношении концептов «семья» и «дом» в русской культуре*, в: *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика, часть 1* (с. 139-141). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.)

Шейнина, Е. Я. (2003) *Энциклопедия символов*. Москва, Харьков: АСТ.

Dalton-Brown, Sally (2000) *Voices From the Void: The Genres of Liudmila Petrushevskaja*. New York: Berghahn Books Oxford.

Katz, Monika (1998) *The Other Woman: Character Portrayal and the Narrative Voice in the Short Stories of Liudmila Petrushevskaja. Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions*. Providence, R.I.: Berghahn Books.

McLaughlin, S. (1989) *The Image of Women in Contemporary Soviet Fiction*. London: Palgrave Macmillan.

Quist, Laura (2010) «Я как пифия вещаю». *Повесть Л. С. Петрушевской «Время ночь» как «женские» записки сумасшедшего*. Университет Хельсинки.

Sažetak

Ovaj rad obrađuje mitologem doma u prozi Ljudmile Petruševske (*Higijena, Novi Robinzoni, Tajna doma, Vrijeme noć, U malenom domu*). Za bolje razumijevanje doma kao mitologema u djelima Petruševske, rad se oslanja na lingvističko i kulturalno značenje samog pojma u ruskom jeziku i kulturi što daje mogućnost promatranja doma u djelima kroz nekoliko perspektiva: dom kao fizički prostor (kuća), mjesto radnje, sudjelujući element u razvoju radnje, izvor zaštite, obitelj, živo biće te dom kao ženski prostor i metafora ženskog tijela.

Ključne riječi

Ключевые слова: мифологема, дом, Петрушевская, семья, женская проза, пространство женщины

Ključne riječi: mitologem, dom, Petruševska, obitelj, ženska proza, prostor žene

Kratki životopis

Mateja Rak rođena je 1. lipnja 1999. godine u Zagrebu. Osnovnu školu pohađa u Svetom Đurđu nakon čega završava srednjoškolski program Turističke gimnazije u Gospodarskoj školi Varaždin. Tijekom osnovnoškolskog i srednjoškolskog obrazovanja aktivno se natječe u županijskim natjecanjima iz hrvatskog jezika te sudjeluje u raznim projektima i izvannastavnim aktivnostima vezanim uz zaštitu okoliša, strane jezike, odnose s javnošću, pisanje članaka te kreiranje sadržaja. Godine 2018. upisuje dvopredmetni preddiplomski studij Anglistike i Rusistike na Sveučilištu u Zadru, a godinu dana nakon toga prelazi na ekvivalentni studij na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Za vrijeme studija stječe iskustvo u području prevođenja studijske kombinacije jezika i poučavanja hrvatskog i engleskog kao stranih jezika. Studentica trenutno završava preddiplomski studij Rusistike te prvu godinu diplomskog studija Anglistike, Književno-kulturološki smjer.